

Сяо Юйшань не притронулся к палочкам, вместо этого произнёс:

— Ранее было оговорено, что на охоте нет различий в статусе. Сегодня первым добыл золотого барана князь Хэлянь, потому и право первого угощения принадлежит ему.

— Ваше Величество, не отказывайтесь, — Хэлянь Гуйянь, казалось, был полон решимости продемонстрировать свою преданность публично, обращаясь к Сяо Юйшаню с почтительностью. — Мобэй всегда находился под защитой Великой Янь, и мы почитаем ваше величие. Получив сокровища, мы первым делом приносим их в Цзяньян, а добыв золотого барана, спешим предложить его вам.

Перед лицом чиновников Великой Янь и знати Мобэя Хэлянь Гуйянь произнёс эту речь с такой искренностью, что его преданность казалась столь же ясной, как солнце и луна.

После таких слов Сяо Юйшань уже не мог отказаться. Хэлянь Гуйянь смотрел на него, его янтарные глаза светились, а на лице читалась лёгкая тень торжества:

— В Мобэе любят баранину, и этого золотого барана мы приготовили по нашему обычаю. Ваше Величество, попробуйте, и вы почувствуете разницу.

Сяо Юйшань не понимал, что замыслил Хэлянь Гуйянь, и был полон подозрений. Однако, отведав блюдо, он ощутил, как аромат обволакивает его вкусовые рецепторы, и воскликнул с удивлением:

— Это невероятно! Оно даже лучше, чем блюда из дворцовой кухни.

Хэлянь Гуйянь улыбнулся, его глаза сверкали, когда он смотрел на Сяо Юйшаня:

— Всё дело в небольшой добавке — фенхеле.

В окрестностях Цзяньяна фенхель не растёт, потому при приготовлении баранины обычно используют только соль, добавляя имбирь и перец для устранения запаха и усиления аромата. Когда мясо подрумянивается на огне, его смазывают кунжутным маслом. В Мобэе же добавляют всего один ингредиент, который делает блюдо невероятно вкусным, что свидетельствует о мастерстве поваров.

Говорят, что пища — основа жизни, и даже император не исключение. По крайней мере, отведав жареного золотого барана, Сяо Юйшань на мгновение отбросил свои подозрения и не поспешил на искреннюю улыбку в адрес Хэлянь Гуйяня.

Затем воины Мобэя раздали баранину всем присутствующим. Когда блюдо поднесли к Чу Циюню, он произнёс:

— Бесчисленные небесные владыки! — и, встав, поклонился, отказавшись:

— Я, как даос, не употребляю мясо.

Люди Мобэя не знали о таком запрете среди даосов и застыли в замешательстве. Хэлянь Гуйянь подошёл, внимательно осмотрел Чу Циюня и спросил:

— Почему вы отказываетесь?

Чу Циюнь хотел было возразить, но, прежде чем он успел открыть рот, Сяо Юйшань вмешался:

— Князь Хэлянь, вероятно, не знает, что среди даосов внутри страны существуют две школы: одни могут жениться и есть мясо, другие — нет. Даос Чу Циюнь принадлежит к последним.

Тот факт, что этот даос удостоился личного заступничества императора, был весьма примечателен. Хэлянь Гуйянь тут же повернулся к Сяо Юйшаню:

— В таком случае, я прошу прощения за свою оплошность.

Чу Циюнь и Хэлянь Гуйянь поклонились, притворяясь смиренными:

— Прошу прощения, князь Хэлянь.

Хэлянь Гуйянь, казалось, проявлял большой интерес к Чу Циюню. Его янтарные глаза внимательно изучали даоса, а в его взгляде появилась острая нотка, словно он хотел проникнуть в самую суть человека:

— Где вы практикуете, даос Чу?

Чу Циюнь ответил:

— В храме Сюйхэ на горе Дунли.

Хэлянь Гуйянь задумался на мгновение, а затем спросил:

— Это та самая гора Дунли, о которой говорится в «Снадобье небожителей с горы Дунли»?

— Именно так, — ответил Чу Циюнь, подумав, что слава старого бессмертного с горы Дунли дошла даже до Мобэя.

Хэлянь Гуйянь сразу же оживился и стал расспрашивать:

— А что означает это «снадобье небожителей»?

Чу Циюнь незаметно бросил взгляд на Сяо Юйшаня — «снадобье небожителей» было частью их общего прошлого. Сяо Юйшань почувствовал это и тоже посмотрел на него, их взгляды встретились.

Чу Циюнь слегка приподнял бровь, молча спрашивая, как ему ответить. Сяо Юйшань сурово взглянул и слегка покачал головой, давая понять, что не стоит продолжать разговор с Хэлянь Гуйянем.

Чу Циюнь понял намёк и, повернувшись к Хэлянь Гуйяню, улыбнулся:

— Мой наставник — мастер медицины, он хорошо разбирается в лекарствах и может исцелить любую болезнь. Со временем в Цзяньяне начали шутить, что на горе Дунли есть «снадобье небожителей».

— На самом деле, это просто лекарства, которые лечат болезни, ничего особенного.

Чу Циюнь полагал, что, сказав это, он охладит интерес Хэлянь Гуйяня. Однако тот не только не потерял интереса, но даже улыбнулся и, повернувшись к Сяо Юйшаню, сказал:

— Каждый раз, когда я приезжаю в Цзяньян, я слышу истории о горе Дунли и давно мечтал туда попасть. Теперь, когда я встретил даоса Чу с горы Дунли, это можно считать судьбой.

После охоты могу ли я посетить храм Сюйхэ?

Сяо Юйшань не понимал, зачем ему это, но затем подумал, что на горе Дунли всего лишь группа даосов. Что мог замыслить Хэлянь Гуйянь? Кроме того, перед лицом всех присутствующих отказ показался бы мелочным.

Решив так, Сяо Юйшань в итоге согласился.

===

После окончания пира луна уже стояла высоко в небе.

Сяо Юйшань вызвал к себе только Чу Циюня, заявив, что хочет провести ночь в беседах о Дао.

Евнух Ван был смыслённым: он помахал метёлкой, отпустив слуг, но, обернувшись, увидел, что Ань Фэн всё ещё стоит снаружи, и поспешил сказать:

— Уже глубокая ночь, почему вы ещё не отдыхаете, стражник Ань?

Ань Фэн, обнимая меч, холодно ответил:

— Сегодня ночь мы проводим на открытом воздухе, и безопасность Его Величества требует особого внимания.

— Я вижу, что даос Чу тоже неплохо владеет боевыми искусствами, стражник Ань, вам не о чём беспокоиться, — подумал евнух Ван, что Ань Фэн слишком прямолинеен и до сих пор не заметил очевидного.

Ань Фэн хотел было продолжить, но услышал, как император кричит из шатра:

— Ань Фэн, иди отдыхать.

Евнух Ван, услышав это, прикрыл рот рукой, чтобы скрыть улыбку, и жестом пригласил Ань Фэна уйти. Тот, радуясь возможности отдохнуть, ушёл с мечом.

За пределами шатра все посторонние удалились, а внутри двое, долгое время не видевшие друг друга, наконец сняли свои маски и, встретившись взглядами, улыбнулись, понимая друг друга без слов.

Сяо Юйшань заранее приказал евноху Вану приготовить немного дичи, и теперь она пришлась как раз кстати, чтобы утолить голод Чу Циюня. Даос, чьё сердце уже давно отошло от аскетичной практики, ел с удовольствием, постоянно восклицая, как всё вкусно.

Сяо Юйшань, полулёжа на кровати, поправил фитиль свечи и закрыл глаза, чтобы немного отдохнуть. Охота в лесу сегодня была утомительной, и вскоре он уже начал засыпать.

После долгой разлуки Чу Циюнь хотел немного пошутить с ним, но, обернувшись, увидел, что Сяо Юйшань уже тихо спит, не сняв одежду и не распустив волосы.

Хэлянь Гуйянь был человеком непростым, и за последнее время, должно быть, усталость накопилась. Подумав так, Чу Циюнь тихо вздохнул, осторожно подошёл и снял с Сяо Юйшаня головной убор, позволив его чёрным, как смоль, волосам рассыпаться по плечам. Тусклый свет свечи освещал его лицо, тени от ресниц падали на щёки, словно крылья бабочки, готовые взлететь.

Его лицо, подобное луне, излучало некую мягкость и загадочность. Говорят, что красота на грани становится почти демонической, и Чу Циюнь почувствовал, что в этом свете Сяо Юйшань выглядел как дух горы, его облик казался нереальным, словно сошедшим с картины.

На мгновение Чу Циюнь застыл, замороженный, и провёл пальцем по едва заметному шраму на щеке Сяо Юйшаня, ощущая тепло, которое разожгло в нём искру. Не в силах сдержаться, он потерял всякую осторожность и поцеловал Сяо Юйшаня в уголок губ.

От этого «беспокойства» Сяо Юйшань наконец проснулся, его ресницы дрогнули, и он медленно открыл глаза, всё ещё полусонный, но уже полный томной красоты.

Чу Циюнь почувствовал, как его сердце трепетнуло, словно невидимая рука коснулась его. Он взял лицо Сяо Юйшаня в свои руки, чтобы продолжить поцелуй.

Даже в полусне Сяо Юйшань помнил, где они находятся, и, бросив взгляд в сторону, прошептал:

— Свет слишком яркий...

Он боялся, что свет внутри шатра будет виден снаружи.

Чу Циюнь сразу понял, одной рукой прикрыл свечу и наклонился, чтобы задуть её. В мгновение ока всё погрузилось в темноту, и только лунный свет пробивался сквозь щели в шатре, покрывая пол серебряным сиянием.

Теперь Сяо Юйшань успокоился, снял одежду и обнял Чу Циюня за шею, слегка потянув его на кровать.

Чу Циюнь упал на него, прижав Сяо Юйшаня к постели:

— Похоже, ваше величество действительно скучал по мне.

Сяо Юйшань, не отпуская шею Чу Циюня, поднял подбородок и улыбнулся, признаваясь с искренностью:

— Без своей забавы, конечно, скучал.

— Говорят, что краткая разлука слаще встречи, и, глядя на тебя сейчас, я понимаю, что в этом есть правда, — Чу Циюнь был искренне рад, что император так открыто проявлял свои чувства, и, чувствуя себя польщённым, добавил:

— Дай мне посмотреть, не слишком ли ты истосковался...

Сяо Юйшань, увидев, что Чу Циюнь собирается начать свои шутки, решил прервать его поцелуем. Чу Циюнь не расстроился, а, напротив, наслаждался этим, одной рукой развязывая пояс Сяо Юйшаня.

[Пусто]